

Линар
Ильясов

Прыжок Волчицы

ГЕ: ГЖ: ЖЖУН: Н)Ж: УН

ГЖ: ГУУН:)АН: ГУУУ:)Ж

ДЖЛ: УД: УУИ: ЖМ: ГУУЛ

ГН: УД: АУИ:)НФ:)А: УД: АУ:)НФ

ГЖУИ: УУНН: УНФ: ЖМУУ: ГИГ)Г

ГЖ: УН: НД: Г)Ж: ГАУА: ГНУ

ГЖ:)ЖН:)УУ)УУ

16+

Линар Ильясов
Прыжок Волчицы

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Ильясов Л. Р.

Прыжок Волчицы / Л. Р. Ильясов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Вторая половина V века н.э. После смерти Аттилы, орда гуннов начинает распадаться. По древней тюркской легенде, упоминаемой Л. Н. Гумилёвым, враги уничтожили род гуннов, оставив лишь одного мальчика, которому отрубили руки и ноги и бросили умирать в болото. Но его нашла волчица и, зализав раны мальчика, перепрыгнула с ним на восточную окраину Большой Степи. И там уже родила от него сыновей, от которых началась династия тюркских правителей Ашина. В этой книге - лишь первая часть той древней легенды... Дизайн обложки создан автором.

Содержание

Вступление:	5
1. Всадник с востока.	10
2. Город Баламир-кагана.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вступление:

Начинается рассвет, прекраснейший из всех, и начинается с ним новый день жаркого лета. Степь, пёстрая от ярких цветов, благоухает душистыми ароматами. Небеса всё светлее, прозрачнее с каждым мгновением. А воздух предрассветный прохладен и свеж.

Вдали за ручьём, у самого горизонта, виднеется табун туров: бредут они к утреннему водопою, неторопливо и важно, с достоинством, с чувством собственной значимости. А охотники уже высматривают... и они готовы. Кажется, что это сам Тэнгри привёл туров сюда: ведь сегодня праздник долгожданный. Будет пожива богата и будет угощение всем.

Поют ранние птицы, приветствуя зарю разгорающуюся радостными голосами.

Неустово гонит Исян своего коня быстрого на восток. Огромная радость и предвкушение скорой удачи переполняют мальчика, заставляя петь во весь голос счастливую победную песню, рождённую в давние ещё времена, воспоминания о которых овеяны сказочными преданиями.

Вдали на востоке виднеются уже старые готские курганы, и это к ним спешит Исян, месегутский малай. Он хочет исполнить древнее сакское поверье, о котором слышал от старших отцов, молодость которых прошла давно, у берегов Джаяика, ещё до перехода орды к границам запада. Если подняться на вершину кургана до рассвета и встретить первые лучи солнца – но так только, чтобы с востока дул ещё и ветер, сливаясь ними, – то может наполнить тебя и твоего коня великая сила, чистая, исходящая прямо с небес. А может случиться и так, что ты и твой конь – если он рождён и взнуздан для тебя и родственен тебе в самой сути своей – в единении своих душ услышите вы за шёпотом ветра песнь Хозяйки Степи, Первой Всадницы. Тогда конь твой обретёт крылья и станет тулпаром быстрокрылым, взмывающим ввысь до облаков самых дальних, а ты станешь великим батыром, непобедимым воином, о котором будут слагать легенды многие поколения.

Исян спешит. Скоро появится солнце, а с востока дует ветерок. Но он успеет: конь его быстр и курганы уже близко...

И будет сегодня праздник трёхмесячных жеребят, и в скачке, конечно же, он победит: – ведь он встретит первые лучи солнца на вершине кургана, где свет алый наполнит Исяна и его коня небесной силой. Отец будет гордиться им, но не покажет виду – не пристало это отцу.

А вокруг краса просыпающейся степи. Исян несётся как на крыльях встреч солнцу. И далеко уже осталось просыпающееся кочевье, предвкушающее наступающий праздник.

Великая радость и счастливая песня... и скорый рассвет.... Казалось, что так будет всегда...

И был потом праздник, красою и восторгом наполненный.... Праздник трёхмесячных жеребят, один из любимейших у месегутов. Курту-юрматы, гости из улуса Поющей Вербы, привезли щедрые дары. Была среди них девочка, немного старше Исяна. В радостном восторге приветствовала она его победу в скачке и запомнилась своею красотой. И не забыть Исяну тот момент – мгновение счастья, задыхающееся упоение, – когда она вплела яркую ленточку в оголовье его коня и спросила, шутливо, с весёлым смехом: не собирается ли он навестить их улус, чтобы поискать там невесту? А он, растерявшийся, не нашёл, что ответить, и так и не заговорил в тот день с ней, всё время остававшейся в окружении сородичей. Но, стараясь не терять друг друга из вида, взглядами они встречались иногда, и взор её уже не был шутливо-весёлым.

Как же её звали, эту девочку, оставившую в сердце Исяна волшебное ощущение томлящего ожидания?

То был счастливый, особенный день, ярким воспоминанием живущий в душе Исяна...

* * * * *

Земля, под извечным синим небом, была сотворена не единообразной. Полуденные страны излишне опалены солнцем и обделены благодатной водой – земля там скудна. Полуночные же страны, напротив, обильны водой, но она большую часть своего существования тверда как камень. А в середине есть страна благодатная, имеющая в достатке и солнечного света, и животворящей воды. И место это было отдано Тэнгри туранцам, наиболее близким ему сынам человеческим. И дал Тэнгри, который есть небо извечное, тюркам великие свои дары: коня быстрого, чтобы не чувствовали себя малыми и ущербными на этих бескрайних просторах, под этим бесконечным небом, и железо сверкающее, чтобы не были слабыми и незащищенными. Духу небесного Волка наказал указывать путь им, если настанут трудные времена. И никто уже не мог быть им грозным врагом.

Но нет ничего вечного, кроме самого Неба. Люди рождались и умирали, поколения сменяли друг друга. Обитатели полуденных стран, исстари с благоговением и ужасом взиравшие на грозных, отважных всадников, вооружённых лучшими мечами, наконец и сами пересели на лошадей и научились выплавлять железо. И захотели они занять Великую Степь и взять её себе. Долго шла война и уносила много человеческих жизней. А когда появился в Степи волк с синей шерстью, мудрейший Огуз-каган объединил живущих в Ана-Доле в державу могучую и изгнал врагов из своей страны. Никто из величайших воинов не мог бы сравниться с ним в героической доблести. И ещё много поколений не было подобных ему богатырей.

Но время пришло, и появился могущественный властитель в стране западных гуннов, взявший себе имя Адель. Все народы Запада, и большие и малые, все склонились пред ним, величайшим каганом; державы великие признавали его верховенство и обращались к нему униженно и просительно, страшась вызвать его немилость. И никто, даже из злейших врагов его, – и из немалого числа побеждённых им, и из так и не покорившихся, – не мог бы упрекнуть его в коварстве или лжи. В подвигах своих, потрясших страны света, был он силен и нестигаем, в делах державного управления – разумен и величав. Владения Орды, и справедливых законов её, расширил он до западных и северных морей, до самого края земли.

А когда ушёл Адель-каган, пройдя отведённый ему путь, никто не мог уже сохранить его державу. Не было и не могло быть ему равных, достойных его наследия. Величайший из каганов своими доблестными деяниями во славу народа тюркского, был он недостижимо велик, даже для лучших из своих сыновей. А коварные византийцы и римляне, предательством и хитрыми кознями действуя во вред великого государства тюркского, рассорили улусы родственные промеж собою и отвратили от них союзные племена, великим числом входившие ранее в каганат.

И множество врагов, с ликованием шакалов, узревших падение льва, устремилось на народ гуннский.

Первым выступил Ардарих, король гепидов, возжелавший превзойти славой своей великих гуннов, доселе героев непобедимых, не знавших поражения ни в одном из четырёх углов света. Теперь же, когда дух иля гуннского, воплотившись в Аделе, небоподобном кагане, ушел вместе с ним в небеса, сияние звёзд изменилось, меняя и пути... – и Ардарих стал побеждать. Силу в нём узрев, народы, издревле жившие под властью Рима, а затем и державы гуннской, возгорелись искомой надеждой сбросить владычество иноземцев, и многие – но не все – заодно с рыжебородым королём Ардарихом выступили и с гепидами его. Собиралось войско великое, и было охвачено стремлением яростным сражаться – этим огнём сжигающим, который мог быть погашен лишь гуннов пролитой кровью, – и превзошло гуннов это войско многократно числом своим.

И у южных рубежей Паннонии, на берегах Недавы реки, сошлись все иноплеменные войска против орд сыновей Адель-кагана, и оставшихся им союзными воинами рогов и свевов.

Сама земля содрогнулась...

И повели короли германские народы свои в битву, в которой померкли небеса, отмечая пред лицом вечности закат славы гуннов, великого народа героев...

Здесь взмахами мечей бушует Асов песнь,
И Одина зовёт тысячегласый ор.
И, впитывая кровь, сама земля горит.
И яростно кричит неистовый гепид.
Треск копий о щиты, мечей ударов звон,
До неба вознесён смертельной битвы гром.
Победу видя гот
смеётся в небеса,
Дождался наконец он
кровавой мести дня.

Но не могут отступить батыры гуннские, хранящие славу великих отцов. А поражение неминуемо, и будет оно первым в их славной истории, – но примут они его героями, до самого конца сражаясь отважно во славу бунчука голубого, цвета небесного.

И уже виден конец их пути...

За батырами гуннскими – слава грозная и великие победы; с ними – доблесть и честь; после них – трепет благоговейный народов пред именем гуннов, и неувядаемая слава в вечности...

И заалел закат. Вода реки красна.
То кровь героев в ней, ушедших в небеса...

В победном торжестве гепидов рог трубит.
Ардарих в диком танце богов благодарит...

Вода красна – река Недава...
С ней утекла героев слава...

Пепел и обгорелые развалины теперь во множестве покрывают Паннонию, в местах бывших гуннских городов и поселений. И уже редко можно услышать на её просторах гуннскую песнь, воспевающую Небо. Большинство тех, кто выжил, ушли в Адель-Куз, к берегам Узи.

Годы сменялись, шло время. Яростный рёв асов неистовых и валькирий, доносящийся из лесов и гор, окружающих Дунай, заставил Умай, безупречную красу рассветную, покинуть благословенную эту землю. Пришли дни ненастные, а ночи тёмные, лишённые звёзд.

Паннония стала страной готов и гепидов.

Но некоторые из гуннов всё же остались здесь. Ведь кому-то из них предстояло исполнить небесное предначертание: вобрать отвагу гуннскую и смелую настойчивость огорскую, и воплотить великий их дух в грядущей славе тюркской...

* * * * *

Гуннский иль, потерявший державность свою, в которую входили огоры и гунны, руги и свевы, и многие германские народы, начал распадаться на отдельные мелкие улусы и орды...

Месегутская орда, оторванная теперь от своих сородичей садагов, не покинувших Паннонию после разгрома у Недавы, понесла огромные, уже невозполнимые потери. Отбиваясь

яростно от готов и гепидов, отходили месегуты единственным оставшимся им путём – на запад; в ожидании гибели неминуемой оглядываясь обречённо на восток. Где-то там, далеко на востоке, в Адель-Кузе сохранились ещё остатки гуннского владычества: – там правили Дингиз и Эрник, сыновья доблестного Адель-кагана, ведущие непримиримую войну с готами, гепидами и герулами. Но туда уже не было путей...

И дошли месегуты до Балатона озера, далее за которым начинались дикие горные страны.

Дингиз-каган, старший сын Адель-кагана, в верности батыр стойкий, помнил об отчаянной тягости садагов и месегутов. И он, благородством звания ханского не пренебрегающий, совершал походы в Паннонию, стремясь помочь им. Готы же, хозяева ныне Паннонии, выступили против него, наследника меча марсова, садагов и месегутов обескровленных оставив в покое...

Месегуты, которых вследствие малочисленности и ордой уже не назвать, в затишье, наступившем с уходом войск готов на юг, что вызвано было вторжением Дингиз-кагана, провели голодную зиму у камышовых берегов Балатона. Скота было мало, и в охоте часто их преследовали неудачи; и не все дожили до весны. Но и врагов рядом не было, и можно было уже готовиться к отходу на восток, к садагам, братьям своим. И вместе уже затем идти ещё дальше на восток, к широкой реке Узе, во владения Дингиз-кагана, оставляя чужую теперь Паннонию. Но не случилось этого, не успели месегуты уйти...

Страшный день наступил, неся смерть и уничтожение. Было это в самом начале лета.

Пришли враги из лесов севера. Это был отряд воинов разноплеменных, и вождём их был Тоговар, скир, назвавшийся герцогом. Оторвались они от сородичей своих, вследствие войн многолетних, и обрели дикую вольность, в которой черпали яростную отвагу свою, опьяняющую вседозволенностью безумной, заменившей им законы отцов. Вышли они к Балатону, и прознали об обитавших там месегутах.

Солнце было в вершине дневного пути, когда дозорные месегутов сообщили о появлении многочисленного врага, готового к нападению и рыскающего в поиске их становища. Быстро и без шума кибитки колёсные расставлены были в круг, в котором укрылись обитатели кочевья, приготовившиеся к отражению нападения. Знали они, что битва предстоит жестокая, насмерть.

Первыми показались разведчики, пробирающиеся зарослями. А затем... Налетели враги из леса, трубя в боевые роги, с криками, все на конях взмыленных. Стремительным было нападение, и в числе многократно превосходили напавшие месегутов.

Боевые кличи и крики боли, лязг клинков и треск ломающихся копий, свист стрел, жалящих насмерть, – песнь войны неистовая. Песнь, ужас вселяющая в слабых, отвагу и ярость в сильных. Вздываются трепещущие языки пламени пожара, и заполняет всё мельтешение чёрных теней – пляска безумная духов смерти, радующихся жестокой битве, воззвавшей их из царства Эрлика. И собираются уже стаи ворон...

Хунку-хан, предводитель орды, сражался в отчаянной ярости. Двоих врагов убил он тяжёлым копьём своим, кинулся на третьего, ударом страшным сбросил его мёртвым оземь, вскочил на коня его, и, занеся над головой меч острый, безжалостно разящий, устремился на вождя нападающих, что был в рогатом шлеме. Но сразили его стрелы во множестве, и пал он, так и не успев схватиться с вождём вражеским в единоборстве. Спешил к нему Исян-батыр, выкрикивая клич орды, сзывающий воинов, и держа высоко синий бунчук с волчьей головой золотой, но и сам пал от стрел вражеских, вслед за ханом своим. Сын его Исян, егет девятилетний, подхватил упавший бунчук и поднял над головой, прокричав боевой клич. И увидел это один из гепидов, и лицо его изуродованное, одноглазое, почернело в ненависти великой: – в битве у Недавы было оно, это синее знамя сакское с волчьей головой. И отряд саков, что с ним в сражение шёл в тот день, нанёс гепидам урон огромный и лишил он тогда одноглазого всех его братьев. Лютой яростью злобной загорелось лицо гепида, вновь увидевшего ненавист-

ное знамя степняков, и кинулся он к мальчику, и увидел вдруг на руке его вытатуированную волчью голову, ту же, что и на знамени...

Быстро закончилась та битва.

Враги, не пощадившие никого, ушли дикой своей ватагой торжествующей, оставив мёртвых своих с месегутами лежать.

Облака чёрного дыма затмили небесный свет и воды озера потемнели, а земля стала красной от крови...

Пришло время воронов, и они заполнили это кровавое место, песнь смерти не прерывая ни на миг. И всё сокрыло под собой чёрное покрывало их крыльев. Но у самого берега, там, где в воды озера стекали красные ручьи, чёрное племя толпилось вокруг одного места с недовольным карканьем: кто-то из людей ещё не умер.

Это был Исян-егет, тропею смерти уходящий. Огонь, то ли пламенем испепеляющий, то ли холодом бесконечным обжигающий, переполнял руку Исяна, правую, ту на которой была изображена голова Волка, и которой он поднял бунчук орды месегутской, приняв его от отца, павшего в битве. И не помнил уже Исян, тьмою окутываемый, что кисти правой у него больше нет. Хотя другой своей рукой, тоже уже оцепеневшей, он в беспамятстве всё ещё крепко сжимал правое запястье, сдерживая кровь истекающую. Исян уходил, но он был молод и не мог принять смерть спокойно. С невероятным усилием открыл егет глаза, с тем, чтобы взглянуть, в последний раз уже, на сияние голубое неба...

И увидел он на прибрежном холме Волчицу, явившуюся из снов, исполненную дивной, волшебной красоты...

Случилось это во времена, когда живым языком ещё говорили тюркские руны...

И от берегов озера Балатон, что на западной окраине Великой Степи, началась легенда...

1. Всадник с востока.

Были то времена мрака, власть имели сила жестокая и обман коварный, возвышающие нижайших из людей, во множестве заполнивших Степь в огне беспощадном.

Он был одинок – багатур, сошедший с Золотых вершин. Двигаясь на закат, призывал он людей следовать законам Степи извечным, почти забытым ныне в бедствиях непрекращающихся. Своими свершениями доблестными стал он врагом злейшим для жужаней – нынешних хозяев степи, возвысившихся разбойников, не имеющих отцов. Жужани владели сердцем обескровленной Степи, но из-за дальних пределов, из-за Идели могучей, доходила молва о Западном крае, великой державе в Тэнгри, справедливым и мудрым правлением каганов своих достигшей могущества и благоденствия высочайших. Говорили, что там законы Степи выше всего, и это было угрозой разбойничьей орде жужаней.

Туда, в Западный край направлялся багатур, деяния которого направлены на возрождение законов, не имеющих силы здесь, на востоке, но могущих вернуться на зов Матерей с Золотых гор, и это будет то, что сможет положить конец разбойничьему владычеству. И нельзя было этого допустить жужаням, встающим на пути багатура...

В песнях Матерей да пребудет с ним благословение Умай...

Под щитом Тэнгри да выйдет он к чистым водам Джаика, где не имеют жужани слова...

След Волка да приведёт его к Идели, началу Западного края...

.....

Путь его был на запад, за солнцем, – и шёл он долго, ... дожди сменялись снегами, холода – зноем...

Старые песни оживали...

Новые песни рождались, – в свете солнца, и в свете луны...

Он шёл вперёд, к солнечному закату; но не искал путей безопасных, покровительствуемый Небом, наделившим его силой и устремлённостью. Аймаки были на его пути, и кочевья были на его пути, были и поселения, были и города, часто враждовавшие между собою. Шёл он через одно селение и, не отклоняясь от пути, шёл к другому, воевавшему с первым насмерть. Никому не становился он врагом. Никто, из слышавших его слова, не посмел бы упрекнуть его в коварстве или затаённой хитрости. А те же из воинов, которые, завидев иноземца, намеревались поразить его стрелой из укрытия, не находили в себе решимости натянуть тетиву, не осознавая потом причин своей неуверенности, но и не удивляясь ей.

Рассказывали люди, что видели в степи всадника, одинокого, бесстрашного воина безупречной уверенности и отваги, в которых не сомневались, хотя никто не видел оружия в его руках – лука или клинка обнаженного...

Кто-то говорил, что это посланник великой державы Востока, Золотых гор, сердца всей Большой Степи. Другие говорили также, что идёт он с Золотых гор, но не как посланник какой-либо державы, а как наследник власти Адель-кагана, наделённый неоспоримым правом. Кто же мог верить в такое? Невозможность подобного осознавалась ясно, но лишь в умах, – не там, где живут надежды. В словах людей звучало небесное имя: Кокул.

Звали же его Аслан-багатур...

.....

Было раннее утро, ещё не взошло солнце.

Руван скакал на своём коне на северо-восток, и уже виден был ему огромный курган, с запада возвышающийся над городищем сарагоров. Там, в этом поселении, что расположено на правом берегу великой Идели, должен был остановиться на сегодняшнюю ночь караван торговцев с юга, богатая добыча. Именно к нему, к этому богатому каравану и возвращался Руван, выполнив поручение брата. Брат его был предводителем воинов, что нанялись два дня назад для сопровождения этого каравана через земли сарагоров.

Этой ночью Рувану пришлось много и быстро скакать, утомляя своего коня, но дело было сделано. Скоро уже, с рассветом, должен караван отправиться дальше, на север, и значит,.. будет удачный день для Рувана и его товарищей, которые умело обманули торговцев, нанявшись стражами.

Но вот какой-то всадник показался там, впереди. Конь его движется шагом, и рядом с ним запасной. Их направление – запад, и пути их с Руваном не пересекутся. Он один, а значит, далеко ему не уехать по этой стране. Не торопится, но и не медлит.

Но кто там ещё показался? Руван разглядел другого всадника, который также ехал со стороны поселения. Но этот, в отличие от первого – который уже удалялся, двигаясь на запад, – наоборот, быстро скакал прямо навстречу Рувану. Это был сам его брат, первый из лучших конных стрелков, Урай-батыр. Случилось что-то значительное, если он покинул свой отряд и караван торговцев. Вот он уже близко, на быстроногом своём гнедом скакуне.

– Что случилось, Урай, брат мой? – спросил Руван, когда они встретились и остановили своих коней. – Я выполнил твоё поручение.

– Кое-что изменилось, Руван и теперь надо остановить Гунми-батыра: – караван мы не тронем.

Странно было слышать такое от бесстрашного батыра.

– Нельзя? Но почему же? У них влиятельный покровитель? – удивился Руван, вспомнив почему-то увиденного недавно одинокого всадника, который и сейчас ещё был виден.

– Не то. Нет у них никакой поддержки, что могла бы остановить нас. Но всё же мы их не тронем. Это решил не только я, но и остальные. Ты езжай к нашим воинам; они, как и договорились с купцом Утулаем, будут охранять его караван до Сарытау. Старшим я назначил Тугула, до моего возвращения. Сам же я отправлюсь навстречу Гунми-батыру, чтобы отговорить его от задуманного. Надеюсь, мне хватит слов для этого, и, надеюсь, Небо поможет мне в этом.

Руван вспылал:

– Что ты говоришь, брат?! Это же была верная наша добыча! Гунми-батыр уже скачет сюда! Какие слова смогут остановить его?

Указывая рукой на одинокого всадника, что почти невидим уже в западном горизонте, спокойно ответил Урай:

– Те, что я слышал от него.

– Как это может быть? Кто он такой?

– Его имя – Аслан. Он прибыл вчера в то поселение, где мы остановились, переправившись с восточного берега овечьей переправой.

– И что же такого он тебе сказал? Чем, или кем, он тебе пригрозил?

– Он видел, как ты уезжал, Руван, и сразу всё понял. Он подошёл ко мне, не к купцам, и спросил: кто управляет этой страной? Я не знал, что ответить, и тогда он заговорил с нами. Не как проситель, чужеродный странник, а как равный нам. Это было дерзко с его стороны, но никто из нас не осмелился остановить его. Как будто его защищает охранный амулет великого могущества, невидимый щит настоящего волшебства. Сердцем я чувствовал в его словах дух великой силы. Слова Аслана напомнили нам о недавнем ещё прошлом, когда никому в нашей Степи не было нужды в охране и защите.

– Но ведь гунны и их каганы утратили власть над этой страной. Агасиры покорны нам, и не помышляют о сопротивлении. Здесь теперь мы хозяева и никто не накажет нас именем Адель-кагана.

– Да, конечно же, страха перед великой властью уже нет, Руван. Но ведь при ней действовал Единый Закон Степи, о котором мы все помним, и он был справедлив. Тогда и ты, Руван, и мы все знали о том, что нарушение его не останется без последствий. Наши отцы и деды соблюдали его, и страна их была великой.

Аслан-багатур поведал нам о жужанях, отказавшихся от заветов отцов и не признающих Закона. Ты ведь слышал о них сам, Руван и знаешь об ужасе их владычества. Это оттого, что они попрали Закон Степи. Так не уподобимся же мы им и постараемся сохранить лицо всадников, несущих Небесный Огонь. Я уверен, что Гунми-батыр всё поймёт.

– А кто этот Аслан-багатур? Он пришёл оттуда, с восточных пределов? – спросил Руван.

– Да, и пришёл один. Он – по-настоящему великий багатур.

– Вот ещё что, Руван, – ты говорил о власти гуннов и о наказании. Теперь я знаю, что сила и могущество не оставили Степь: там, в западном крае, раздался уже вой Волка, призывающий силу Небес. Об этом знали в стране Золотых гор, откуда начался путь Аслан-багатура.

– Золотые горы? Я всегда думал, что это сказка...

.....

Охотник Артагес лишился единственного своего коня. Пока он таился в засаде, ожидая приближения сайгаков к водопою, лошадь его, оставленная привязанной далеко в стороне, исчезла – была украдена кем-то. И теперь, сжимая в руках охотничий свой лук, стоял он на краю ивовых зарослей, покрывавших обильно берега Медвежьего ручья, и смотрел на восточный горизонт, в открытую степь. Оттуда приближался всадник, не из местных, судя по его необычному одеянию, и вёл он в поводу запасного коня. Можно было затаиться, спрятаться, и, выждав, убить иноземца стрелой (Артагес был метким стрелком), и завладеть его лошадьми и прочим имуществом.

Устыдившись этой недостойной мысли, Артагес отринул её, не поддавшись позорной слабости. Почему-то и не удивляясь этому своему решению, охотник решил выйти навстречу приближающемуся всаднику, хотя это и являлось небезопасным.

Что-то в облике пришельца, не таящем ничего угрожающего, вызывало неясные ощущения, более всего напоминающие то восхищение, восторженное, непосредственное, что возникало в душе юного тогда ещё Артагеса, когда он слушал старинные сказания о могучих героях, великих в своих деяниях, отваге и благородстве духа. И он вышел на открытое место, не выказывая тревоги, и направился навстречу незнакомцу, тотчас же заметившему его. Но и во всаднике том не было ни малейшей встревоженности, как будто он был в пределах родового аймака, хотя и видно было, по его одеянию, что он прибыл из очень дальних стран, возможно даже и из-за Идели.

Всадник был высок, но, как показалось Артагесу ещё издали, молод, и крепким своим телосложением только приближался ещё к вершине своей силы и роста, должными, без сомнения, стать изрядными. Голову его покрывала островерхая войлочная шапка, украшенная необычным узором, и отороченная волчьим, бурым мехом; из-под неё ниспадала чёрная длинная коса, достигающая спины. Также чёрными были и редкие усы, а глаза, под тонкими бровями, были синими. Куртка войлочная, сильно отличающаяся покроём от тех, что носили в этих краях, утеряла уже свой цвет, но угадывалось ещё, что когда-то она была выкрашена красным. Безрукавка, из овчины мехом внутрь, надетая поверх куртки, украшена была тем же узором, необычным для глаз Артагеса, что и на шапке. Штаны всадника сшиты были из искусно выделанной шкуры оленя, а сапоги, изготовленные из крепкой воловьей кожи, были

прочны и тоже украшены цветным затейливым орнаментом, выполненным безупречно. Талия же его была перетянута богато украшенным серебром поясом, с висевшим на левой стороне изогнутым мечом в изумительной красоты ножнах. Рядом с мечом висел и нож, прямой, в ножнах, тоже красиво отделанных. С правого бока за пояс чужестранца заткнут был боевой топор, небольшой, с рукоятью искусной резьбы. Лошади его обе были великолепны: крупного сложения, выносливые. Та, на которой он сидел – гнедой масти, а вторая, пристёгнутая к седлу всадника длинным поводом – вороная, с горящими глазами. К этой второй был привьючен тюк, вмещающий всё имущество и снаряжение путешественника. Ездовая была взнуздана великолепной уздой, с серебряными удилами и пряжками, и осёдлана богатым седлом с серебряными, коего не казалось всё же много, стременами. Слева на седле, позади всадника, висел сагайдак с большим, сложно изогнутым луком, безупречной работы искуснейшего мастера, и запас стрел, около десяти, что Артагесу показалось пренебрежительно малым. Щит его, круглый, не очень большой, висел за спиной на кожаном ремне.

У Артагеса была надежда воспользоваться возможной помощью чужеземного странника – проехать хотя бы часть пути до своего селения (путь неблизкий для пешего) на его запасной лошади, ведь он двигался как раз в том направлении, на запад. Но по мере приближения и сокращения расстояния между ними у Артагеса начали появляться сомнения, осмелится ли он обратиться с просьбой к этому непростому путешественнику, величие которого охотник почувствовал, едва лишь взглянув на него.

Сойдясь на близкое расстояние, оба остановились и стали испытующе смотреть друг на друга: всадник сверху вниз на Артагеса, спокойно и бесстрастно, глядя прямо в глаза, безо всякого высокомерия и превосходства, а Артагес смотрел снизу вверх, и иногда опускал взор, словно его привлекали чем-то копыта коня иноземца.

Наконец Артагес задал вопрос на языке своего народа:

– Кто ты, странник? Из каких краёв?

Всадник ответил. Язык похож на гуннский, но другой. Артагес знал язык гуннов очень хорошо и понял, что незнакомец произнёс « Не понимаю ». Артагес вновь задал вопрос, но уже по-гуннски:

– Я спросил, кто ты? И откуда едешь, чужестранец?

– Моё имя Аслан. Еду с востока.

– Я Артагес, из языгов. Наше селение за теми холмами, – показав рукой на запад, сказал охотник. – Ты гунн?

– Да.

Аслан перевёл взгляд на узду в руках пешего.

– Селение ваше далеко. Где же твой конь?

Артагес молчал, стыдливо опустив глаза. Всадник продолжал:

– Я видел двоих. Они скакали на север, и у них был конь, на аркане. Трёхшёрстный конь, осёдланный.

Охотник перебил его:

– Я выслеживал добычу в тех зарослях...

Аслан повернулся к северу, всматриваясь в горизонт.

– Ясно, языг. Садись на моего запасного.

Артагес взнуздан по быстрому коня своего нового товарища – ибо кем же он был, как не товарищем, если предложил коня своего – и вскочил верхом, без седла, и пустился за Асланом, гнавшим уже к северу. Догонять агасиров? Но робость быстро покинула языга, чувствующего, что не следует проявлять страх рядом с этим гунном. Ехали не очень быстро, не утомляя скакунов.

Покрыв большое уже расстояние, перескочили ручеёк студёной воды и взобрались на пологую возвышенность. И увидели двух всадников, что вели на аркане украденную лошадь, неторопливо двигаясь к северу, спиной к догоняющим, и не видя их.

– Это гунны? – спросил Аслан.

– Агасиры-гунны, – ответил Артагес.

– Хорошо. Когда заметят нас, не зови своего коня, – скомандовал Аслан.

Погоня продолжалась. Расстояние становилось всё меньше: догоняющие неуклонно настигали не замечающих их воров. Наконец один из них обернулся.

– Ходу! – приказал Аслан, и, хлестнув своего скакуна плетью, пустил его вскачь, но всё ещё не доставая лука или другого оружия, и не готовясь к схватке, которая Артагесу казалась неизбежной. Но и он не достал своего лука, полагая, что Аслан проявляет сдержанность не без причины.

– Когда подъедем, не смотри на своего коня и на того из них, что держит его. Смотри на второго – прямо в глаза, не отрываясь – даже если тебе придётся говорить, со мной или с любым из них, – повелел Аслан твёрдым, как сталь, голосом.

Артагес удивился, но не сказал ничего, зная, что исполнит всё, ему сказанное.

Агасиры не были трусами. Они развернулись и ждали догоняющих, но, в отличие от тех, приготовив оружие. Артагес во всём положился на этого гунна, внушающего ему такое доверие своей уверенностью и силой своих поступков, исполненных непостижимого величия и безупречности.

И вот они сблизились. Аслан и Артагес остановили коней. Аслан заговорил без промедления:

– Я Аслан, всадник с Золотых гор. Там знают, что держава гуннов запада велика. Я же не вижу этого – неужели здесь не наказывают воров?

Агасиры оторопели. Кто этот человек, не боящийся задавать такие вопросы? Он иноземец, это видно по его одежде и по языку. Ташир и Барыс, агасиры, были моложе его возрастом своим юным и горячностью лихой. Кровь их горяча и слышали они слова дерзкие. Произнеси их любой из языгов, или даже росомонов и ругов, не миновать бы тому их гнева. Даже садагу не простили бы они такого оскорбления. Но этот всадник, похожий на сына могучего иноземного властителя... в его словах нет никакой юношеской вспыльчивости, и это не дерзость лихого удальца орды победителей. Уверенность в себе, без всякой заносчивости и превосходства, и спокойствие, более являющееся отрешённостью, говорили о великой силе, непостижимой Таширу и Барысу, и потому удержались те от резкого ответа, и убрали оружие. Не страх, а неясное смущение, охватившее обоих, было тому причиной. И подивились они происходящему, двое храбрецов, гордых в имени агасир, народа великого, славного своими батырами побеждающими.

– Агасиры – великий народ, – сказал Барыс. – Языги – наши данники.

Даже Ташир, державший на аркане уведённого коня, понял, что это не те слова. Аслан задал новый вопрос:

– Вы так берёте положенное вам? Подкрадываясь зарослями?

Затем он обратился к Артагесу, приведя того в замешательство:

– Как поступают языги, поймав конокрада?

– Они должны убить его. – Ответ Артагеса, хоть и опешившего, был твёрдым. И он, не отрываясь, смотрел на Барыса. – Но агасиры – наши господа, а мы – их данники, ещё деды наши признали это.

– Если они забывают законы Степи, недолго им быть господами.

Ярость вскипела в обоих агасирах. Разгорячившись, они заговорили громко и гневно:

– Ты сейчас на нашей земле, и ты один, чужестранец! Ты безумен, если осмеливаешься обвинять нас! Кто ты такой, чтобы учить нас законам Степи?

Голос чужестранца с сияющим взглядом был уверенным и спокойным:

– Я Аслан-батыр с омываемых золотым светом гор, что на востоке Великой Степи. И я пересёк её всю, ожидая увидеть здесь, на западной окраине, могучую державу Хунну, слава о которой, и о её батырах, гремит повсюду, заставляя дрожать жужаньского кагана. Но и здесь, вижу со скорбью, забывают Великий Единый Закон. Вы, агасиры, один из державных народов? Кто правит вами сейчас?

Ответил Барыс, присмиривший:

– Да, агасиры входили в гуннский иль. Но это было раньше. А правит же нами Багат-хан, великий багатур. Гуннским илем, сейчас, вроде бы, правят Дингиз и Эрник.

– Сыновья великого кагана?

– Да, того, что погиб, почтение и хвала его деяниям.

Заговорил Ташир:

– Никто не может сказать, кто из этих двоих главнее. Но ведь оба не могут быть каганами. Был бы жив Эллак, старший сын Адель-кагана, он сохранил бы могущество иля, говорят старейшие, и не позволил бы новым огорам, в неисчислимом множестве пришедшим с востока, разбить наше непобедимое войско. Но он погиб, Эллак, ненадолго пережив отца.

– Я слышал о той битве. Солнце над степью померкло, но не окончательно. Я, Аслан-батыр с Золотых гор, говорю вам, агасиры: Волк, вестник Тэнгри, уже появился в Степи, чтобы напомнить об извечности законов Неба. Знайте вы это, агасиры, вы и остальные народы.

Агасиры и языг слушали, затаив дыхание.

– Я должен был увидеться с Адель-каганом. Где я могу увидеться с его наследниками?

– В низовьях Узи, – ответил Барыс. – На юго-запад, три дня пути. – И неожиданно решился: – Меня зовут Барыс, а это мой товарищ Ташир. Мы сражались с готами и гепидами, и побеждали их. Возьми меня с собой, Аслан-батыр. Я буду верно служить тебе.

Ташир и Артагес посмотрели на него с удивлением и даже, может быть, с завистью.

– Нет, агасир, мне не надо служить. Я не собираю войска и не создаю орды. Служи своему народу... и не забывай о законе...

– Да, Аслан-батыр. Счастливой дороги тебе.

– Счастливой дороги, – сказал Артагес.

Попрощался и Ташир:

– Счастливой дороги, Аслан-батыр. – И обратился к Артагесу: – Языг, вот твой конь.

Аслан ждал этих слов. Когда они были произнесены, он двинул своего коня в путь, взмахнув на прощание рукой...

.....

Меж двух высоких холмов, что назывались величественно Спящие Батыры, протекала неширокая и спокойная речка, скорее ручей, с названием необычным для потока: Поющая Стрела. Зелёные луга простирались вокруг этих холмов, и редко росли деревья по берегу ручья. И лишь вдаль, за восточными оврагами, начинались леса, где водились медведи. У подножия южного из холмов, у его склона, уходящего полого вниз, в воду с тем, чтобы выйти с другого его берега и, поднявшись, обратиться в своего собрата, располагались юрты и кибитки одной из малых орд агасиров.

Солнце поднялось в высшую точку своего небесного пути, на котором не белело ни одно облако. День был жарким и безветренным, и всё вокруг было спокойно. Вдруг с вершины холма раздался крик:

– Север! Всадники! Малым числом!

Взоры всех в лагере обратились к северу. Дозорный продолжал:

– Трое всадников! Один конь в поводу!

Предводитель орды, Гурук-хан, воин доблестный, в вершине своих сил, сохранял спокойствие, терпеливо ожидая известий. Всадники приближались.

– Это Табир и Акташ, – сообщил дозорный с вершины. – Ведут пленного.

Гурук-хан был удивлён. Агасиры ни с кем не ведут войны: что за пленный? Но вот они уже въехали в пределы лагеря. Два брата, Табир и Акташ, и кто-то, со связанными руками, не похожий ни на кого из воинов окрестных народов. Акташ держал поводья лошади, на которой сидел пленённый ими иноземец, связанный, а Табир – поводья свободного коня, возможно принадлежащего этому самому иноземцу.

– Гурук-хан, – обратился Акташ к предводителю, – сын твой, Тенчек-батыр, пленил лазутчика. За Мёртвым лесом.

Хан, видя, что вернулись не все, спросил:

– Были и другие?

– Мы не видели других, но Тенчек-батыр ищет. Овчары рассказали нам, что чужестранец расспрашивал об орде гуннов. Мы догнали его, у Мёртвого леса, и он был один.

– Славный хан, – вступил в разговор Табир, – те, кто не прячется, не ездят теми путями. Остальные, с твоим сыном, ищут его сообщников. Нас же Тенчек-батыр отправил к тебе.

Хан внимательным взглядом изучал незнакомца, не прятавшего взор. Воины спустили его с коня и поставили перед своим вождём.

– Кто ты?

Один из воинов, совсем ещё юнец, быстро ткнул его в бок кулаком.

– Отвечай, собака! Перед тобой великий Гурук-хан.

Пленный всё же медлил с ответом, словно и не заметив толчка. Он, не надолго задержав взор на Гурук-хане, изучал окружающее, больше всматриваясь в лица людей, словно ища что-то в их глазах. И вот он обратил взор к хану.

– Моё имя Аслан, – ответ его был на языке, близком гуннскому.

– Из какого народа? – спросил Гурук-хан.

– Я гунн. С востока.

Агасиры знали, что на востоке, далеко, за Иделью, есть ветвь гуннского народа, из которого и вышли когда-то предки западных гуннов, создавших великую державу.

– Гунн из-за Идели? Что ты ищешь здесь? – продолжал спрашивать Гурук-хан. Он не был уверен, что это чей-то лазутчик – скорее наоборот, по его поведению чувствовалось, что это сильный и отважный воин, чьи действия прямы и открыты. И никакой затаённой хитрости в лице. Почему сын решил, что это лазутчик: из-за слов пастухов?

Чужеземец не спешил с ответом. Видно было, что он не посланник какой-либо восточной державы, ведь не имеет странник этот сопровождения и каравана с дарами. Если только не подвергся он разграблению. Теперь это не редкий промысел многих ватаг и орд, лишённых твёрдой власти. Когда-то власть Адель-кагана достигала могущества величайшего, и установила в Степи соблюдение Закона Единого так, что никто не боялся подвергнуться нападению в пределах государства гуннского кагана, если сам не имел злого умысла. Тогда, в благословенные те времена, лихие егеты боялись, да и не имели нужды, отбирать чужое добро в стране величайшего правителя, ибо по соседству были земли богатые, и было чем поживиться там, участвуя в походах кагана и его военачальников.

– Ты один, чужеземец. Один ты вышел на этот путь или были с тобою спутники? Если были, то что с ними стало?

– Я один. С самого начала.

Хан помолчал, обдумывая слова Аслана, – поразительные слова, так не похожие на правду в виду невозможности столь невероятного путешествия. Невозможности для обычного человека.... Затем спросил:

– Что же ведёт тебя к гуннской орде? Не желание ли служить правителю великой державы?

Глаза Аслана блеснули.

– Нет, хан, путь мой – не к славе, – сказал он, не добавляя более ничего.

Не разговорчив, как и подобает батыру.

– Развяжите, – приказал Гурук-хан.

Один из воинов быстро исполнил приказание, разрезав ножом путы, связывающие руки Аслана. Тот же, неторопливо растерев освобождённые запястья, не поворачивая головы, вытянул правую руку в сторону и назад, где стоял агасир, держащий его оружие. Жест его был столь исполнен достоинства и уверенности, что агасир не осмелился отказать и, не раздумывая, и не ожидая даже разрешения своего хана, тотчас же вложил оружие батыра в его вытянутую руку. И лишь затем, спохватившись, взглянул испуганно на повелителя, но не увидел в его глазах осуждения.

– Нет, хан, – заговорил Аслан-батыр, – я не к правителю великой державы. И я не из-за Идели, а из ещё более далекой страны – Золотых гор. Я Аслан, сын Юлбариса, стал батыром в четырнадцать лет, убив в единоборстве Маначура, жужаньского атамана, и взяв себе его оружие и коня.

Я пересек всю Большую Степь, с благословения Тэнгри Рассветного, с востока на запад, и я скажу тебе, что вижу в твоей стране. О какой великой державе говоришь ты? Два дня назад, хан, видел я это сам, двое агасиров увели спутанную лошадь у человека покровительствуемого ими же народа! А сегодня Тенчек-батыр, сын твой, как я понимаю, притом, что несколько из его воинов обнажили клинки, разговаривал со мной, и обвинил меня, не приведя доводов моей вины, и не назвавшись! Пастухи, что встретились мне, вместо того, чтобы объяснить путнику дорогу, старались лишь запутать меня, но это я понимаю: они не уверены, ждут бед, предчувствуя их, и они правы в своих ожиданиях!

Я, Аслан-батыр, говорю дерзкие для тебя слова, но я говорю то, что видел сам, и не прими это оскорблением, Гурук-хан. Это беда всей Степи. Тлен жужаньского беззакония царит повсюду, хотя я надеялся найти здесь оплот справедливости: слава Адель-кагана достигла восточных пределов.

Аслан-батыр умолк, позволяя слушателям проникнуться его словами, заставившими сжаться сердца в необъяснимой печали, безысходной и неутолимой.

– Земля-Вода приведена в расстройство, возрадившая нас мать священная. Ей недостаёт животворящего света, нисходящего с Неба. Нити жизни прерываются повсюду среди просторов степей.

Вы все это хорошо знаете. Виной тому дым пожарищ, затмевающий свет небесный, тот, что порождает нити. Владыка Смерти восстаёт, взирая на четыре стороны, и песнь его громогласна. Но огонь тот не возгорелся по воле Тэнгри или Земли-Воды, и не Владыка Смерти возжёт его, хотя и радуется ему. Сотворили его люди, мы сами. Утерев согласие меж собой, вследствие того, что перестали следовать законам Степи и Неба, отказавшись от них, мудрых и всеобъемлющих, охватывающих всё. Отказ этот неразумный, губительный в начале своём, и порождает дымящееся зарево, нашим же действием отдаляющее нас от Тэнгри.

Но дым чёрный не может долго застилать наши души. Пророчицы говорят, что здесь, на западе, сойдёт с небес Волк, чтобы вновь установить Единый Закон Степи.

Слушайте Степь, агасиры, слушайте, открыв сердце. Скоро уже вы услышите вой Волка, а это глас Тэнгри небесного...

.....

Аслан-батыр, в одиночестве совершив переход, невероятный в трудности и дальности, достиг берегов Узи, и решил он, что его путь завершился – закончился раньше, чем намечалось. Гуннский каганат, чья слава утекла с водою Недавы, перестал быть великим, и незачем Аслан-батыру было идти дальше на запад, к Дунаю: ведь там уже не было Золотого Стана – грозы неотвратимой и неумолимой вельхов и кельтов. Центр каганата – Великая гуннская орда – был теперь здесь, на Узе, потерянной родине готов.

Власть, унаследованная сыновьями Адель-кагана, хоть и не была столь могущественной, как у их великого отца, но сила была в ней, и никто не смел говорить о конце каганата. Надежда сохранялась. Не только для гуннского иля, но и для всей Степи. За ней и шёл – через всю Великую Степь – Аслан-батыр... Вслед солнцу сияющему и встреч ветру манящему...

Не переправиться через Узю вплавь, да ещё с двумя лошадьми – слишком широка она. Но был паром, из брёвен огромных сооружённый, в одном из многочисленных селений рыбаков. Вёл он не на сам западный берег, а на остров, звавшийся Комушкой. Перевезли рыбаки гостя на тот остров. А оттуда – менее половины пути до нужного Аслану берега. И тут уже, держась рукой за петлю на шее одной из своих лошадей, а другой рукой сжимая крепко поводья второй лошади, пустился Аслан вплавь. Лошади его были сильны и выносливы, и добрался батыр до западного берега реки. И проходил его путь вместе с путём солнца – иначе почему же, хоть лето и закончилось, и вода была уже холодной, но, когда вышел он из вод реки широкой, солнце достигло вершины неба и жар его быстро осушил странника? А ветер был по-летнему горячим, словно и не наступала осень...

Жители рыбацкого селения запомнили тот день, после которого наступили холода, предвещающая скорое и неотвратимое наступление зимы.

2. Город Баламир-кагана.

Случилось это во времена давние, когда завершилась победоносно яростная война с аланами, народом отважным. Много было пролито крови, но это ещё не конец был: аланы являлись частью державы великого готского короля Германариха, и предстояла новая война, не менее яростная, с готами, воинами бесстрашными, не знавшими никогда поражений. Стал тогда ханом Баламир, второй из великих гуннских вождей, и повёл он орду свою на запад. Хотя и была орда гуннская немногочисленна, но, то были воины умелые и бесстрашные, всадники неудержимые. Казалось, что для них не будет преград. Но доблести Баламир-хана, и отваги его воинов всё же не доставало для преодоления неприступных рубежей реки Тан, защищаемых стоявшими насмерть готами и герулами.

И явил тогда Дайчин-Тэнгри своё знамение. На Тамане случилось это. Один из гуннских дозоров, состоящий из юных егетов, добывая пропитание охотой прошёл далеко по полуострову, смотрящему на Таврию через море, бывшее в том месте узким. Пролив этот считался непреодолимым для войска, не имеющего кораблей.

И стояла на самом краю земли олениха. И вид её манил изголодавшихся охотников, которыми и был дозорный отряд. Бежать ей было некуда: с трёх сторон окружала олениху морская вода, а с четвёртой двигались к ней всадники, не достававшие луков и стрел, уверенные, что животное никуда не денется.

И случилось то, во что гуннские всадники не поверили бы, если бы не увидели того своими глазами. Вошло чудесное животное в воду солёную, и направилось прямо на алеющий закат, что опалял еле различимый, скорее угадываемый, чем видимый, берег далёкой Таврии. Уверенно двигалась олениха, не торопясь, с достоинством; оглядывалась иногда, и казалось уставшим егетам, что манит она за собою, зовёт войти в воду. Удаляющаяся фигура направлялась прямо в центр солнечного диска, красного, огромных размеров. Кровавая заря – знак Дайчин-Тэнгри, и поняли гунны, что это он указывает им путь через само море. И был то путь к победе, ведущий к сердцу готского королевства, войска которого не были готовы к появлению врага со столь неожиданного направления. Закат тот алый, принявший священную теперь олениху, предрёк кровавый закат готского владычества и их короля Германариха. То был столетний старец, а отряд гуннов, которым открыт был путь – молодые егеты, удалые и неудержимые...

Так было... и возвысился Баламир-хан. Загремела по четырём углам света слава гуннской доблести...

Начинался новый день, и солнце поднималось над Узёй, не принося уже с собой зноя. Осень начиналась в стране агасиров. Поля были убраны. Стада и табуны приумножились, окрепли в это благодатное лето, обеспечивая достаток привольный, обещающий зиму не тягостную. Обильные благодарственные жертвы были принесены Тэнгри, а также Ер-Су благосклонной и Умай милостивой. Не забыты были и умершие, к которым присоединилось, за последние годы, слишком много отважных воинов: изнурительны были западные войны.

Теперь же закончились битвы доблестные, оставив память о себе, гордую в сказаниях и песнях победных, и тоску о славных походах в сердцах батыров удалых, приведших в трепет множество народов. Вернулась и гуннская орда обратно, сюда, в Адель-Куз благословенный, добытый когда-то Баламир-ханом, героем, первым из всех, и его батырами неустрашимыми на конях быстроногих. И предстояли теперь, казалось ханам агасиров и гуннов, мирные годы. Хотя Дингиз-каган и совершал ещё походы в Паннонию. Но то было данью сыновнему долгу и верности илю, чтимым им превыше всего: ведь там остались отдельные аймаки и разрозненные

малые орды иля гуннского. Отцу его, небоподобному Адель-кагану, служили они верно, за честь, не за награду, и сын не мог оставить их на расправу германцам – законы степные не допускали такого...

Лето закончилось. Под небом синим, по траве зелёной сил набрались табуны лошадей, и стали готовы к походу осеннему. Дингиз-каган объявил сбор войска. Прибыли уже первые отряды. Многолюдным становился головной стан каганата, расположенный на правом берегу Узи. Издревле жили люди в этом поселении, и второй раз уже становилось оно Великим станом державы гуннской; в первый раз сделал его верховным городом иля ещё Баламир-хан легендарный. Илькала... – это было поселение, огороженное деревянной стеной со всех сторон, кроме той, что выходила к берегу реки. Множество деревянных строений разных форм и размеров было здесь, а также множество шатров.

Начинался новый день, и солнце поднималось над Узёй...

В начале дня предстала Илькала взору Аслан-багатура. И увидел он множество знамён, на утреннем ветру развевающихся, над многими постройками величественными и шатрами, и над башнями сторожевыми. Множество шатров располагалось и вне опоясывающего Илькалу ограждения, – то отряды войск собирались, Дингиз-каганом призванные. Вид войск, расположенных во многих местах вокруг города – шатров не много, но большое количество кибиток, – сказал Аслан-батыру, что готовится поход. Осень – хорошее время для этого, но это должна быть поздняя осень, начало морозов. Сейчас же – рановато для боевого похода конницы: наступает время дождей и слякоти. Значит, есть на то причины у столь искушённого в войнах войска, как гунны и агасиры. Кто-то начал войну против них? Много уже дней Аслан-батыр шёл по землям агасиров, но не слышал ничего о каких-либо боевых действиях...

Солнце поднималось всё выше. Илькала приближалась, блеском развевающихся знамён на древках со значками сверкая; блеском шлемов и оружия стражников на башнях сторожевых, искусно сложенных из брёвен, сверкая; блеском крыш разноцветных, позолоченных, сверкая, и ярких шатров шелковых, – подобно украшению из камней драгоценных, светом переливающимся, представала Илькала, взор радующая.

Огромный путь оставив позади, Аслан-батыр не торопился теперь: казалось ему, что здесь и будет конец его путешествия. И не мог предположить он, что всё это было лишь началом. Неузнаваемо изменился батыр, на путь этот вставший, что привёл его сначала к Золотым Горам, а теперь сюда, в Адель-Куз. В этом был великий смысл, но который ещё не виделся его внутреннему оку, и о котором он даже не подозревал...

И свершилось это в самой вершине дня: степей батыр, всадник с Золотых гор, о котором ходили уже легенды в Степи, подошёл к северным воротам Илькалы. Стражники беспрепятственно пропустили Аслан-батыра – ждали они его появления, наслышанные, и узнали тотчас. С нескрываемым удивлением, почтительным излишне, что не давало им смелости задавать ему вопросы, провожали они прибывшего взглядами, стараясь каждую чётточку его внешности запечатлеть в памяти. Раньше Аслан-батыр возгордился бы от такого к себе внимания, но сейчас он был другим, и не возгорелся в нём огонь тщеславия. Даже наоборот: что-то в этом не по душе пришлось ему,... словно приняли его за знатного бега. А ведь он же, внутреннее око в себе взрастив, не мог ощущать себя выше кого бы то ни было – таковой была теперь его суть...

Начальник стражи, верхом, на коне огромном, каких не видел ещё Аслан-батыр, подъехал к нему, и, жестом руки приветствуя, заговорил:

– Я слышал, долог был твой путь, странник. Мы рады видеть тебя в Илькале, и мы ждали тебя. Я начальник сторожевой сотни, моё имя Агиш, назови же и ты своё имя, батыр.

– Аслан, сын Юлбарис-багатура. Это столица великой державы гуннов?

– Да, Илькала – верховный город каганата. Вести бегут быстрее самого быстрого коня – мы ждали тебя, Аслан-батыр. Следуй же за мной, тебя должен увидеть Кочле-хан.

Агиш повернул коня направо и двинул его медленным шагом, сделав приглашающий жест гостю. Аслан поехал рядом, по левую руку. От длинного строения, возле которого было расположено много коновязей, к ним быстро приблизился верховой.

– Дигур, – обратился к нему Агиш, – прими коня. Напои его и накорми. Смотри за ним хорошенько.

Аслан передал Дигуру поводья своего запасного.

Агиш принял правее. Теперь они удалялись от городской стены, направляясь к центру Илькалы. Мало мужчин было видно на прямых улицах города. Большинство домов и юрт были украшены флажками голубого цвета, цвета знамени Адель-кагана, и значило это, что дома отмеченные находятся под защитой его власти, вершили которую теперь его сыновья, а хозяева же тех домов – в войске гуннском. Женщины занимались делами хозяйственными, а малые дети, и мальчики и девочки, играли в игры, большинство из которых были военными. И все оставляли свои занятия, и замолкали, когда проезжал Аслан-багатур, сопровождаемый главой стражи города. Люди стояли и смотрели, безмолвные. Старики, по возрасту непригодные к боевым походам и потому оставшиеся дома, утирали глаза сухие. Тишина воцарялась там, где проходил путь Аслан-багатура. Это было необычно для Илькалы, где приход любого чужака сопровождался неистовым лаем собак. Теперь же была тишина... Но кое-где... позади, где люди так и стояли, замерев... в тишине начинались негромкие, еле слышные поначалу песни. ... А глаза стариков переставали быть сухими...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.